

На дворе начиналась осенняя пора, и в доме вкусно пахло свежими яблоками. А сами они — виновники этого замечательного аромата — пламенели красными боками в центре стола, сложенные горкой в большой вазе синего стекла. Но обстановка в доме царила серьезная, а скорее — печальная. Поводом к тому служил гроб, стоящий рядом со столом, окруженный сидящими на стульях людьми, в котором лежал, упокоившийся от мирских дел мужчина, одетый в добротный, темного цвета костюм и белую рубашку — светлым лицом, чуть скрытым седой бородой. Это его покойное благообразие было настолько естественно, что казалось, прикрытые глаза вот-вот откроются и мужчина улыбнется, разымет скрещенные руки и скажет что-то недоговоренное, чего все эти печальные люди, как потом окажется, только и ждут услышать. Да и взоры приходящих спервоначалу обращались не к безмятежному лику покойного, а на вазу с краснобокими яблоками, и люди высказывались по-своему, но об одном и том же: «Ну, вот, Миша и урожай успел собрать. Есть чем помянуть доброго человека». Когда кто-нибудь вставал от гроба и собирался уходить, то его непременно одаривали яблоками из той самой вазы, стоящей прямо против головы покойного. Делал это молодой человек, высоким лбом и изгибом носа очень напоминающий облик покойного. Раздавая яблоки, он приговаривал: «Берите, берите. Дедушка так велел», — и видно было, как слезы туманили его чистые, юные глаза. Потом он ненадолго выходил, приносил в корзине яблоки и вновь наполнял ими вазу и кто не успевал увидеть ее пустой.

Ворота, как водится, были открыты настежь, и люди, желающие проститься, входили и выходили, толпились у крыльца и за оградой, вели разговоры о бренности земной жизни, о человеческой смертной доле, о земных делах и памяти о них. А память о созидательных трудах покойного находилась рядом, радовала ветвистыми деревьями с добром ухоженного сада, что слегка шумел еще зеленою листвою, встречая приходящих людей, но тут же затихал, как бы в печали, вспоминая об утомившихся, всегда заботливых хозяйских руках. Одни деревья шелестели уже пустыми ветвями, другие же гнулись под тяжестью поздних, еще ждущих своего времени созревания плодов. Они были красивы эти растения, посаженные здесь маленькими саженцами, взрослые и теперь приносящие плоды человеку, который своей заботой и любовью даровал им жизнь на земле. Что же будет теперь с вами, жители этой чудесной части земли, где весною бушует разноцветное море цветущего сада, а осенью наливаются живительным соком райские плоды труда природы и человека? А что может случиться с садом после ухода доброго хозяина? Без заботы и труда все вокруг дичает — и люди и деревья.

Конечно, непросто взять и покинуть мир, где живет твоя забота о каком-нибудь хорошем деле, но кто-то должен перенять, подхватить дело из ослабевших рук, и тогда продолжится на земле праздник цветения и плодоношения и смерть не покажется концом света. Об этом случае и говорили люди, пришедшие проститься. Хозяин и при жизни не отказывал людям в плодах своего труда, и теперь внук его изо всех сил старался исполнить волю деда и наделял яблоками всех, кто заходил в осиротевший дом. Вот и говорили, что внук готов продолжить заботу о дедовом наследии. Воспитан на труде в саду, знает, как надобно ухаживать за деревом, да и любит это дело — вместе с дедом с малолетства живет, а значит, будет у яблонь и груш заботник и хозяин. А посему саду этому цвести из года в год. Говорилось о том по-доброму, по-человечески.

Осень уже заметно вкрадывалась в природу, меняя краски, волнительным цветом увядания прощалась с летом. Таким осенним теплым днем и наступил день похорон. Людей собралось много, вынесли гроб с телом покойного, установили во дворе, чтобы проститься, всплакнули родные, целуя холодный лоб усопшего, но вот гроб подняли и понесли к воротам, чтобы погрузить в машину. И тут случилось нечто, что запало в души и сердца людей, как порыв чувства необычайной любви и преданности деревьев своему хозяину. Только приподняли мужики на плечи гроб с телом покойного, как вдруг поднялся ветер, листва полетела под ноги и устелила собою двор, путь к воротам и дно открытого кузова машины, и сразу стало тихо, и только шорох под ногами падших листьев напоминал изумленным людям о необычности произошедшего случая. Затихли голоса людей, и будто откуда-то издали послышалось: «Говорят бездушное дерево, а тоже прощается по-своему. Листье-то еще и падать время не пришло, а вот ведь, будто слезой прошибло. Господи, мир-то воистину Твоею любовью устроен».